
Брюсов В. Я. Огненный ангел (Сост., вступ. ст., коммент. С. П. Ильёва)
М.: Высш. шк., 1993. – (Б-ка студента-словесника).
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmnl@lib.ru>

I

"Огненный Ангел, повесть XVI-го века", как озаглавил ее автор, – первая из опубликованных крупных вещей В. Я. Брюсова на историческую тему, но, разумеется, далеко не первый его опыт в области художественного претворения исторических материалов. "В детстве я совсем не знал истории, не хотел упорно читать исторических романов", – вспоминал он. И тем не менее, характернейшей чертой, выделяющей Брюсова из среды русских модернистов, а может быть, – и из среды русских поэтов дооктябрьской поры, является именно пронизывающее всю его мысль, все его творчество "чувство истории", определившее у него и выбор тем, и образную символику его лирики. В тех же воспоминаниях Брюсов сообщил, как на школьной скамье, на второй год гимназического курса, вдруг открылась для него история. "Ни одна наука не произвела на меня такого впечатления, как внезапно открывшийся для меня мир прошлого. Это впечатление имело значение для всей моей жизни". С этих пор начинаются и опыты исторического жанра, большей частью неизданные; в большинстве случаев это произведения на темы из римской истории: "Юлий Цезарь", "Помпеи Великий", "Антоний и Клеопатра", "Август и Вергилий". Но рядом с ними в перечне замыслов мы найдем и драму о Марине Мнишек, а среди рукописей – и неоконченный роман о декабристах – "Записки декабриста Малинина".

Как всегда, рука об руку с этими художественными замыслами идут замыслы научных работ: в 1898 году, например, мечтается написать историю Римской империи до времен Одоакра, целую книгу – "Очерк всеобщей истории" и т. д. Конец жизненного пути Брюсова смыкается с началом, и последний этап частично осуществляет мечтания детства и юности, показывая нам Брюсова то в роли руководителя семинара по всеобщей истории в Литературно-художественном институте, то в роли исследователя эпохи кризиса Римской империи – эпохи, отображенной им в его втором историческом романе – "Алтарь победы".

Некоторой части критиков Брюсова этот его "историзм" представлялся и представляется одним из пороков его творчества. "Брюсовское проникновение в историю заклеимено пороком стилизаторства, поддельности разнообразной и богатой панорамы", – читаем мы, например, в школьном издании Брюсова {Вольпе Ц. В. Брюсов. Избранные стихи. Школьная библиотека, 1935. С. 38.}. "Брюсовская история – неподлинна, ибо она – расстановка художественных чувел исторических людей, а не оживление героев и событий прошлого". С этой оценкой, отображающей субъективные впечатления критика, трудно спорить: на дальнейшем разборе "Огненного ангела" мы увидим размеры и пределы брюсовского "стилизаторства", а в известной мере получим и материал для суждения о том, насколько удастся Брюсову "оживить прошлое".

Серьезнее другой упрек, когда-то брошенный Брюсову одним из критиков лефовского круга. Тяга Брюсова к истории, с точки зрения этого критика, есть будто бы бегство от современности. – "Брюсов всеми силами тащит сознание назад, в прошлое", "упрямо и консервативно цепляется за изжитые формы", "ощущает красоту" только в том, что от этой (революционной) действительности далеко" {Арватов Б. Контрреволюция формы. Леф. 1923. № 1.}.

Упрек был брошен давно, в начале 20-х годов, и его несостоятельность сейчас очевидна для любого внимательного читателя Брюсова. Историческое прошлое почти всегда являлось для Брюсова призмой, сквозь которую он наблюдал и осмыслял настоящее, – подобно тому как настоящим он проверял свое понимание прошлого. А то и другое ему было необходимо затем, чтобы предвидеть и "угадывать" будущее. Его ли вина, что буржуазная историческая наука не давала ему этой возможности? Буржуазная историография его времени категорически отказывала истории в праве входить в состав наук номотетических, законополагающих. От истории она требовала только описания и объяснения единичных, неповторимых фактов.

Только теория исторического материализма могла бы дать Брюсову ответ на мучивший его вопрос об исторической закономерности. Только эта теория могла бы указать его попыткам сопоставления и сближения разных эпох научное